

х х х

Расплавленно и тяжело
Над лесом жестким и корявым
Пятно холодное возшло,
Пугая отсветом кровавым.

Над белой тишиной земли,
Над вспышками аэродрома,
Над хмурым городом вдали,
Над крышею родного дома,

Над жизнью и судьбой моей,
Над мира суетою вязкой,
Над вросшей в землю с давних дней
Заржавленной солдатской каской.

декабря
~~1980~~ 1980

О Л Ь Г А Б Е Ш Е Н К О В С К А Я
(р . 1945)

х х х

"Любите живопись, поэты..."
Н.Заболоцкий →

Не живопись, а жиропись. И не
Картины выставляются, а те, кто
Замешан в их создании...

В стране

Сознание - отступление от текста.
И мыслящий иначе / и на кой.../
Но мыслящий не может не иначе,
Бредёт запоминающей рукой
В прицеле запрещающего знака
По шпилью - золотому волоску,
По краенку гранитного багета...
...↓ Наркотики, вводящие в тоску

Отринуты - элита и богема:
Не живопись, а мертвопись. И не
Палитра, а цветная политура...
Как странно уживаются в стране
Смурная и казенная калтура, -
Как пьяницы с милицией: бредут
В обнимку, а прохожие - по краю...
Шарахнешься,

← поморщись,
и тут -

Оконко, воссиявшее - "сгораю!"
И живопись!

← И жестопись!
Стоишь

И слушаешь, как светится дорога,
Кого-то уводящая в Париж,
Кому-то заостряясь

→ до острога...

→ х х х

"Я пешка, рядовой клиент ломбарда..."
/ Зоя Эзрохи ← →

Мне ещё уходить дворами
Отдышаться, в тени осев.
Я ещё постою на грани...
Я ещё попаду в отсеv...
Подождет господин издатель,
А товарищ читатель сыт.
Я ещё посмотрю некстати,
Как тревожно калачик спит...
Подоткну по краям, - опасно
Раскрываться на сквозняке...
Мне ещё ничего не ясно,
Мне ещё хорошо - никем:
Пешеходом, клиентом бани,
Потребителем колбасы.
Я ещё похожу по грани
Как по кругу - всю жизнь - часы.

х х х

Тихо засыхает запятая.
Бог и утешение с тобой,
Осень баснословно золотая,
Воздух детскосельски голубой.
Большого не вспомнить - и не надо,
Лишь бы, не скрывая существа,
Дивная эстетика распада
Нас благословляла на слова.

х х х

Дальновидна или же слепа,
Насаждая бунт или смиренье
Разбросала в стороны судьба
Кисти винограда и сирени?
В коромыслах лета и зимы -
Спад и взлёт, Таврида и Эллада,
Цвет и плод, взрывчатые взаимы:
Через край - лиловая прохлада...
Вкус ли, запах, - пьянствующий куст,
Дым и ядра, мягкость и упругость,
Дух и плоть, изломанный искус,
Пясть и гроздь - врожденная другвдругость.
Как тебе, природа, удалось,
Догадалось - равно одержимым
Напоить сосуды этих лоз
Противоположным содержимым?
Как тебе додумалось, судьба,
Бросить их во время и пространство
Так, чтоб чуять, чувствовать себя,
Предвкушать, - и всё же не продраться...
И срываться, выбродив до зим,
Задыхаясь в шелестах и красках,
Наобум - в объятиях корзин
Или пальцев, сцепленных на связках.
Оттого-то, кто бы ни припал,
В бомбах слёз и крестиках нательных
Голубой мечтой преобладал
Мемуаров пепельный оттенок...

х х х

Действительности нет.

В действительности нет

Ни дома, ни страны, ни ветки - воплотиться.

Попробуй докажи,

Что сплетня - не сонет,

Что город - не село,

И дерево - не птица.

Что свиньи - лебедей грязнее,

и дубы

Глуше березняка,

И воздух - не Везувий.

Что вымысел души - не замысел судьбы,

И промысел ума - не замысел безумья.

Что мы ещё живём - не умерли уже,

Что мы уже народ - не массовый зародыш:

Не живчики того, кто в синем этаже

Бойтся, что пожнешь не меньше, чем заронишь.

Скрывается от всех - как не было его ...

Отечество людей - приютское сиротство,

И прочерком в графе "отцовство и родство",

Тушуясь, горизонт натянуто смеётся.

Мы - выкидыш земли.

Нас не было и нет.

И в горле - первый ком

Из тех, что грянут сверху

Как ливень в медный таз.

Как яблоки "ранет".

Отбойный молоток

По гвоздику и веку.

Сплотиться в бутерброд?

Сплатиться по рублю?

Слезами поливать плоды воображенья?

Любимого - о, нет - любовь свою люблю:

Иллюзию, звезду ...

И свет её,

И женье...

РАБОЧИЙ

Господи, как он счастлив - страшно смотреть.
Он озабочен, Господи, как ты в неделю творенья.
Хоть бы в тебя он веровал, Господи... Только в смерть.
И, не поверишь, Господи, - в энтузиазм горенья.
Пресс, нарастая, лязгает...

←/Господи, пронеси.../

Пальцев ещё осталось на выборы и на розлив...
Он интервью даёт мне /Дай ему небеси/,
Произнося "ударник" - будто "артист народный"...
Как он сияет, Господи, - в десятидневный рай
Едет за достижения в грохоте преисподней.
Господи, где штампуют этих, что "умирай" -
Скажешь - лишь переспросят: завтра или сегодня?..
Пресс, нарастая, лязгает...

Ляжет ведь по звонку!

Вогнутая грудная

←Мясо...

←"Видней начальству"...

Господи, дай мне камень - в его башку! -
Он же меня зарежет, БЕЗУМНО счастлив...

х х х

Двохродный лире певучий кувшин
И галькой селеновой эллипс лимона
Прохлады глазам, как телам - крепдеши
В полуденном зное, томящем до звона
В ушах, до мифической связи сирен
С оливковой мухой, в девицах - навозной,
Вулкана - с букетом, - Сарьяновский крен
Июльской природы, готовой на воздух
Взлететь из последних расплавленных сил,
Снимает как приступ сквозная терраса
Играем осенним... И дышит настил,
Не сдавленный ворсом и пылью паласа
Полянного... Кто изобрел витражи -
Наркотик для зренья, эффектный двойко:

Сперва одеяльце лоскутное лжи,
А после - мозаика памяти, яда
Целебная доза... И падает жар,
И столбик **венозный** бледнеет, как будто
Снижается в воду оранжевый шар
Висящий над сыном, сидящим как будда;
И бой в барабанных, слабеющий в стон
Настенных, и оспа газетного фона...
... И вот проступают кувшин и лимон -
Бессмертная и совершенная форма!

← х х х

А жизнь - всего лишь форма ностальгии
По жизни, где какие-то другие,
Сиреневые, может быть, дома...
И дерево мертвецкого оттенка
Как демон вырастает из простенка;
Встряхнется - и зажмуришься: зима!

Откуда в нас поток воспоминаний
О том, что и не снилось, и не с нами,
И **вряд ли**, и нигде, и никогда...
От пьянства или Врубеля и Блока?
И ранее - от дьявола и Бога,
Их **долгого совместного** труда?

Забиться в человеческой породе,
Копаться в черно-белом огороде
Своих бесплодно-каторжных трудов,
Где виденье сливается с виденьем
И капает качнувшийся светильник
Горячим воском стынувших садов...

*1980 †

ДМИТРИЙ БОНЫШЕВ

(р.1936)

ИДИЛЛИЧЕСКАЯ ОДА

Людская речь себя навек хранит
в словах такого гордого покоя,
что только для произнесенья их
уходят люди в церковь или в поле.

Те словеса - что звезды по ночам,
и в тишине особенно громово
идут они, как бы из тех начал,
когда всего началом было Слово.

Вот почему и чувствует язык
во рту блаженный привкус русской речи,
и я к нему с годами не привык.
Я только стал заметно реже, реже,

лицо все реже к звездам подымать,
сирень к лицу, а дно бокала к небу,
но, слава богу, начал понимать
всю цену молоку, дровам и хлебу.

И речи незатейливой цена
передо мною подлинно предстала,
как на слова "Сегодня ты бледна..."
замедленный ответ "Я так устала!"

"Ну, посиди, я принесу дрова",
потрогал печку: "Печь совсем остыла".
Из комнаты в догон ему слова:
"Там холодно, надень-ка шубу, милый".

"Да незачем, я так". Закрылась дверь.
Потом открылась снова. Стук поленьев.
"Всё холодно?" "Всё так же". - "А теперь?"
Она, помедлив: "Вот теперь теплее".

Сидят, молчат. И длится тишина,
и печки ненавязчивое пенье.
Не в этом ли молчании цена
какого-то, — тверского, что ль, — терпенья?

И смысл полубезмолвных этих слов,
где о любви не сказано ни слова,
не в том ли, что смирение и любовь
их суть и речевая их основа.

А те сидят у печки. И опять
забота проступает сквозь дремоту —
она ему: "Ложись-ка, милый, спать",
а он: "Ито. Ведь завтра на работу".

Январь
01.1964

— из цикла "ЛЮДИ"
И Ю Д И

В

Иосифу Бродскому →

Жизнь достигает порой
такой удивительной плотности;
что лицо разбивается в кровь
о кулак её милости, скорости, святости, подлости, кротости.

Попроси, и расскажут тебе
летчик, гонщик, погонщик коней и ныряльщик —
может выломать руку в локте
многотонного воздуха ящик
с жутким свистом мимолетающий.

Только ночью, себя от него отделив одеялом,
ты лежишь, семикрыл,

рыжеват, бородат, космоват,
и не можешь понять, кто же ты? — серафим или дьявол?
Основатель пустот?, чемпион?, идиот?, космонавт?

Февраль
02.1964

→ х х х

Евгению Рейну →

Крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов, сидящих
в такой же точно позе на другом
конце моста и на него глядящих
такими же глазами.

Львиный пост.

Любой из них другого, а не мост
удерживает третью существа,
а на две трети сам уже собрался,
и, может быть, сейчас у края рва
он это отживающее братство
покинет.

Но попарно изо рта
железо напряженного прута
у каждого из них в цепную нить
настолько натянуло звенья,
что, кажется, уже не расцепить
скрепившиеся память и забвенье,
порыв и неподвижность, верх и низ,
не разорвав чугунный организм
противоборцев.

Только нежный сор
по воздуху несёт какой-то вздор.

И эта подворотенная муть,
не в силах замутировать оригинала,
желая за поверхность занырнуть,
подчёркивает зеркало канала
нечистым отражением.

Над рвом

крылатый лев сидит с крылатым львом

и смотрит на крылатых львов напротив:
в их неподвижном гневном развороте,
возможно, даже ненависть любя,
он видит повторенного себя.

Эпиграма
~~7-03.04.1964~~

→ В Р У К И Н.Н.

Возничему горящей колесницы
скорее бы с конями затонуть,
спасти бы их, вогнав в канал по грудь,
да застревают ступицы и спицы, -
сквозь фонари созвездью не пробиться,
все блески отбивает ртуть.

И зеленил она дома и мост,
малюет арку, в ней трубу, как кость
рисует, как ^иесть она, с натуры,
одним пятном наносит две фигуры,
сближает лица косо, как пришлось,
и гонит искры вдоль волос
в каштановой короткой буре.

Но вот уже, глаза притворно щуря,
хоть не пугает их прямая страсть,
волнением насытись всласть,
ОНА смежает жёсткие ресницы,
и взору в эти дебри не пробиться,
и не сдержать ЕМУ узду и власть,
как с сердцем, оборвавшим снасть,
не совладал возничий колесницы.

Эпиграма
~~7-03.10.1965~~

→ ЧТО = ТО ЛЕПЕЧЕТ

Что-то лепечет листва верховая -
это ночной Велимир, колоброд,
так выдыхает свои волхованья...
Так, что изнанкой навыворот - рот!

Чуешь, и чувству такому не веришь,
но по вершинам идет налегке
наш коренной председатель и дервиш.
Только стихи шевелятся в мешке.

В них разливаются чудью озёрной
мера да кривичи с весью лесной.
То неразвёрнут язык, то разорван -
странно опасный, чудной, озорной.

Вместе - не каждым листком или словом -
общей листвою древлян и древес,
ясенной вязью и маслом еловым
скулы черёмит, шалит, куролес.

Как из ручейного бучила - вычур,
свирь саранчёвую, птицын чирик -
прямо живьём, целиком закавычил
пращура - в свой белой черновик.

Но не дремуч - лишь юродив и странен;
так и велит повернуть и не ждать
бывший на нашей земле будетлянин:
- В путь - сквозь былое - за будущим ~~в~~вспять!

А упредят грановитые зёрна
в нужную смерть - через прошлое - зов! -
что ж! И предтече отстать не вазорно
от воскрешателя мёртвых отцов.

Общее дело листвы - облетанье...
Страшно сказать, но земля всё родней;
Всё обитаемой в ней стала тайна:
труд сокровенных и сладких корней.

Лидия
7-01.1967 #

не читать

БЕЛОЕ И ГОЛУБОЕ

Она белела именем своим,
и, стало быть, прожекторная рана,
которой темный берег был язвим,
так мучила меня светло и странно,
как это имя самое - Светлана.

Светлане льнули: пыльный мотылёк
и гладкие барахтанье дельфина,
и визги птиц, и я сказать бы мог -
весь тёмно-синий с золотом денёк, -
но тут прошла другая половина,
и ею ведала уже Марина.

Марина все дела делила вдоль,
расчесывала их светло и длинно
при том, что даль в лицо зевала львино,
при том, что в нас, обглаживая соль,
свободная потягивалась боль, -
все вымывала взорами Марина.

Мариной, крутизной, голубизной
наполненный, шатался воздух пьяно,
и слаломная качка акваплана
как бы перелоначивала зной, -
и в доску разогретую сосной
прохлада стлалась, - и была Светлана.

Освоила она морской фасад
и пенную маринину лепнину.
Марина - многоярусный закат
приноровила. И тридцатикрат
перешумело всё...

Те дни уже не вызволить назад,
не вызвать ни Светлану, ни Марину.

Август

1967 г

ЛЮБВОЙ ПРЕДЛОГ

/Венера в луже/

не печаль

Зрит ледяное болото явление светлой богини...

Пенброждённая - вниз головой с небес
в кучу торфяно-лилейную под сапоги мне
кинулась, гривой серебряной, наперерез.

Бедная! Белая - в рытвине грязной она отразилась...

Видно, и в самой ледащей из наших дорог -
лишь бы вела! - с ней замешана общая милость
низкому озеру Вялю и острову Милос,
и пригодится для чуда любой заваливший предлог.

Вот и гляди в оба глаза на мокрые плоские глади:
чахлые сосны, коряга застряла как хряк,
да лесопилка сырая всё чиркает сзади;
в кучу слезались опилки, и будка на складе
в серых подтёмах глядит - отвернись от меня, Бога ради!
Это ведь родина. Что же ты плачешь, дурак!

Колдунь

~~1967~~ 1967 †

— х х х

Посвящается VVV

Тебя, тоскуя о твоей пропаже,
наставница ребячая, ничья,
не нахожу в промышленном пейзаже, -
и заживо мертвеет жизнь моя.

На фоне виадука и сарая
идёшь ты, силой нежною дыша,
и тут я поражаюсь: вот какая,
оказывается, моя душа!

Ты на глазах творишь себя, как чудо,
и сходятся мгновенные черты
с чертами абсолютными - о т т у д а .
Я - за тобой. Но зачем здесь ты?

Чтоб укорить несовершенство края,
одною только зримостью греша?
Чтоб нагляделся я: вот ты какая,
оказывается, моя душа!

Бывают в этой сплошности прорывы
туда, где свет, - оттуда, где склады...
В мистическом едином теле живы
мы были бы. Но врозь ведут следы,

тебя от перекрестья отвлекая.
А мне бы всё глядеть, как хороша,
и всё не наглядеться мне, какая
моя и не моя уже душа.

9 октября

† 09.10.1972 †

ИЗ ЦИКЛА "МЕДИТАЦИИ"

† 5/12

Не отрицаю: знаю, - не достоин...
А сердце льётся в тихую зарю,
и плавлюсь я, говею и горю,
среди кристально-ясного настоя
страданье вызываю золотое,
и ужасаюсь, и благодарю.

Да, в центре, у каёмки на краю
страшит зрачок, сведённый, окаянный,
впуская мириады, океаны
Твоих сверканий, Свете мой Царю,
и я зарю за цвет благодарю,
за раны в созерцаемом сиянии.

За то, что изумительно слиянны
и зло, и благо; что наратом гвоздь
в незримую зиждательную Горсть
и - далее - в мои проник изъяны;
что муку вижу я как бы из ямы,
но высвечен до сердца и насквозь.

И вдоль извоев зренья, толщу свой ств~~ит~~
пронизывая скрытыми путями,
нисходит луч светящимся питаньем
в глубины глаза, до животных звезд
и тканых средостений - вперехлест,
единым пульсом пусть бы трепетали

с зарей, ломимой прозрачным испытаньем!
Столпами сокровенными зари
от крестных единений изнутри
из полуклетки в полуслово прорастая,
блистая, занялась в груди живая Тайна,
открыто-золотая: ведай, зри!

И, зренье новое беря в поводьри,
лети изломами целебного простора
туда, где молодая вечность свет простерла.
Там, Душе Всеблагий, благое сотвори:
возьми частицей в тело чистое зари!
Смели мои слова в молчание простое,
смети всю тишину в пустые словари,
и да раскроются ребристые устои...

Уста серебряные. Слово золотое...

~~1975~~ 1975

х х х

В груди гудит развал,
а память - скромница.
Да это кто ж сказал,
никак не вспомнится:

"Христианин мой дух,
душа - язычница.
За несогласье двух
с меня и взыщется"?

Такому должно тлеть
в стихах у Наймана.
Принадлежит на треть
обоим нам оно.

Да, это быть могло
у друга-братика,
я узнаю стило.
Его ли практика?

Ну, так она - ничья...
Но прежде - Ардову
её отнес бы я
вот с этой правдою:

- Дышать неволю!

А что причиною?

← Не различить между
картаминами

- Не обручить чету
неразлучимую.

Дух одержим одним,
душа - капризница.
И не расстаться им,
но и не сблизиться.

Он - мистагог, монах,
почти - у вечности.
Она во временах,
увы, увечится.

И всё же суть ея -
зиянье трещины
по нём - крестом. А я -
как недокрещенный.

В груди разгул, развал ...
Лишь память мучаю -
кто ж так умно сказал,
и прямо к случаю:

"Христианин мой дух,
душа - язычница.
За несогласье двух
с меня и взыщется"?

Алексей
~~1976~~ 1976 #

~~НЕТР БРАНДТ~~
(р. 1947)

② → МОЛИТВА

Апрель, блуд, колокольная высь
И кони пущены в рысь
Помолись за меня
Помолись за меня
Помолись

← помолись
→ ПОМОЛИСЬ...